



РУССКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ, ЕГО ПРОШЛОЕ, ЕГО ЗАДАЧИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Акад. С. А. Жебелев

Если на Западе византиноведение, как самодовлеющая дисциплина, считает своим родоначальником Дюканжа (1610—1688), то у нас это место должно быть отведено В. Г. Васильевскому (1838—1899)¹.

Подобно многим из наших византологов, Васильевский перешел к занятиям Византией не с начала своей научной деятельности. Тема его магистерской диссертации («Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка», СПб, 1869) относится к области древнегреческой истории (реформы Агиса и Клеомена). Когда Васильевский в 1870 г. вступил в число преподавателей СПб университета, ему было поручено чтение лекций по средневековой истории, и первый курс, который он читал в университете, был посвящен обзору источников Первого крестового похода. А два года спустя появилась работа Васильевского—«Византия и печенеги», где были представлены в совершенно новом свете события, предшествовавшие Первому крестовому походу, поводы к нему, выяснена роль печенегов в истории Византии, связь их с сельджуками и пр. За этой статьей последовала в 1876 г. статья «Из истории Византии XII в.», имеющая отношение к истории Второго

¹ О Дюканже см. в книге Васильевского—«Обозрение трудов по византийской истории», СПб, 1890, 116—140. Книга содержит, как может показаться с первого взгляда, не обозрение источников византийской истории, но обзор трудов по изданию и непосредственному объяснению источников, начиная с эпохи итальянского Возрождения и до конца XVIII в.; предполагавшееся продолжение, где должен был быть затронут XIX в., не появилось, и благодарной задачей было бы неоконченную работу Васильевского продолжить и довести ее до современного состояния византиноведения на Западе и у нас. Сам Васильевский называл «патриархом» византийских занятий у нас профессора СПб университета Г. С. Дестуниса (1818—1895), который, будучи филологом-классиком, ввел в университете преподавание византийских древностей и литературы, а также издал переводы, исполненные его отцом и им «поновленные», трактатов Прокопия Кесарийского о войнах римлян с персами, вандалами и готами, сказаний Приска Панийского, снабдив эти переводы предисловиями и комментариями. Дестунис-сын издал несколько византийских текстов и исследований на историко-литературные темы из византийской истории. О Дестунисе см. «Биографический словарь профессоров и преподавателей СПб университета за третью четверть века его существования», СПб, 1896, I, 232 сл. В том же словаре, при краткой автобиографии Васильевского, помещен список его ученых трудов (стр. 121), дополненный в некрологе Васильевского, составленном П. В. Безобразовым [«Виз. Временник», VI (1899)]. Наиболее подробная оценка трудов Васильевского по византиноведению принадлежит Ф. И. Успенскому в составленном им его некрологе, ЖМНП, 1899, октябрь.

крестового похода. Эти первые работы Васильевского, касающиеся Византии и имеющие очень важное значение, открывают длинный ряд работ его, относящихся к византийской истории вообще и к начальному периоду русской (а также болгарской) истории в частности. Все эти работы, объединенные в четырех томах его «Трудов», изданных Академией наук (1908—1930), основаны были как на изучении материалов ранее известных, но объясненных по-новому и приведших автора к выводам, прочно теперь усвоенным наукой, так и на привлечении материалов, впервые пущенных им в научный обиход. Все эти работы вызвали восхищение уже при их появлении и снискали Васильевскому громкую славу не только у нас, но и за границей; более того, именно работы Васильевского заставили зарубежных византологов учиться русскому языку, и не только потому, что эти работы содержали в себе важные результаты, но и потому, что результаты эти были получены благодаря образцовой методике исследования. И теперь еще ни одна работа Васильевского не устарела, не утратила своей актуальности. По ним все последующие поколения византологов учились, а будущие должны учиться.

В числе слушателей первого университетского курса Васильевского был и Ф. И. Успенский (1845—1928), тогда студент IV курса. Успенский, не менее, чем Васильевский,—громкое имя в истории византиноведения¹. Успенский был долгое время профессором в Одессе, затем директором основанного по его инициативе Русского археологического института в Константинополе. Многочисленные труды Успенского, при видимом их разнообразии, представляют, до некоторой степени, единое целое. В центре их стоит Ближний Восток, изучение греко-славянского мира в средние века и Византии. Главное внимание Успенского привлекали вопросы, касающиеся землевладения и положения сельского населения в Византии, отношения между социальными классами, вопросы церковно-религиозные и философские, умственный движение в Византии, славянские древности. Уже на склоне дней своих Успенский издал труд синтетического характера—«История Византийской империи». Первый том его (в нем изложение доведено до 717 г.) вышел в свет в 1913 г.; в 1926 г. вышла первая часть второго тома, прерывающаяся на «всемирно-историческом значении Кирилло-Мефодиевского вопроса»; вторая часть второго тома, где изложение должно было быть доведено до 1081 г., и третий том, завершающийся взятием Константинополя, не увидели света. Чтобы судить о том, как разнообразны были научные интересы Успенского, достаточно припомнить его наиболее обширные труды: «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон» (СПБ, 1874), «Образование второго Болгарского царства» (Одесса, 1879), «Очерки по истории византийской образованности» (СПБ, 1892), «Очерки по истории Трапезундской империи» (Л., 1929) и др. Судьба послала Успенскому более долгий век, чем Васильевскому, и до конца дней своих он не переставал интересоваться византиноведением и трудиться на пользу его. Свое отношение к византизму Успенский хорошо оттенил в своей речи при открытии Археологического института в Константинополе. С общенаучной точки зрения, указывал Успенский, византизм имеет важное значение для тех народов, которые входили в сферу влияния Восточной империи, но влияние византизма распространялось и на Западе. Хотя с национально-рус-

¹ Общий очерк научной деятельности Успенского и список его ученых работ см. в брошюре «Памяти академика Ф. И. Успенского», изданной Академией наук в 1929 г.

ской точки зрения Византия—«реальный предмет, важный для познания своей собственной истории», но еще важнее освободить византиноведение от того служебного положения, в каком оно очутилось, и усматривать в нем самодовлеющую научную дисциплину.

В последние годы своей жизни Успенский отдавал много энергии образованной по его инициативе при Академии наук Русско-византийской комиссии, самое название которой показывает, что Успенскому, как и Васильевскому, были близки связи византийской истории с историей русской. Было бы очень желательно, чтобы статьи Успенского, рассеянные по различным периодическим изданиям, были, по примеру «Трудов» Васильевского, объединены в одно целое.

Третий столп нашего византиноведения, Н. П. Кондаков (1844—1925), был воспитанником Московского университета, где занимался под руководством, главным образом, Буслаева; затем он был профессором по кафедре истории и теории искусств сначала в Одессе, затем в СПб.

Во всех почти областях истории искусства и археологии работал Кондаков; в каждой из них он показал себя глубоким знатоком и тонким исследователем трактующих им вопросов, большим мастером в деле стилистического анализа памятников, ведущим все свои разыскания на широкой исторической основе. Кондаковым введен был в научный обиход и тщательно обследован ряд памятников материальной культуры, ранее неизвестных вовсе или неправильно оцененных. Весь этот новый материал был добыт Кондаковым в результате его археологических поездок по Грузии для изучения архитектуры грузинских церквей, на Синай—для изучения древностей Синайского монастыря и рукописей его библиотеки, в Константинополь—для изучения его памятников, на Кавказ—с целью описания ризниц монастырей Мегрелии, Имеретии и Грузии, в Сирию и Палестину—для изучения тамошних древностей, на Афон и в Македонию и т. д. Главным предметом научно-исследовательской работы Кондакова была история византийского и в связи с ним древнерусского искусства. Своего рода эпоху составило появление докторской диссертации Кондакова—«Истории византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1876), переведенной затем на французский язык. Это была первая систематическая история византийской миниатюры. За исследованием византийской миниатюры последовали «Мозаики мечети Кахрие-Джами в Константинополе» (Одесса, 1881), «Византийские церкви и памятники Константинополя» (Одесса, 1887), «Византийские эмали» (СПб, 1892) и мн. др. Хорошо всем знакомы давно уже исчезнувшие с книжного рынка предприятия Кондаковым совместно с И. И. Толстым «Русские древности в памятниках искусства» (шесть выпусков, СПб, 1889—1899 гг.; первые три выпуска имеются во французском издании, 1891—1893). Не впадая в преувеличение, а лишь воздавая должное, можно утверждать, что история византийского и древнерусского искусства Кондаковым была впервые создана и научно обоснована.

В лице Васильевского, Успенского и Кондакова византиноведение поднято было у нас на такую высоту, как едва ли какая другая из исторических дисциплин. Вся европейская наука преклонилась перед этими именами, а мы этими именами вправе гордиться. Само собой разумеется, что такие могучие умы, такие знатоки своего дела, такие первоклассные исследователи должны были привлекать к себе учеников, создавать свои «школы». И правда, все историки-византиноведы и историки-медиевисты

старшего поколения, были ли они непосредственными учениками Васильевского и Успенского или учились по их трудам, не откажутся засвидетельствовать, сколь многим они обязаны Васильевскому и Успенскому; более того, петербургские историки России, современники Васильевского, считали себя его учениками.

Я не имею возможности проследить, как развивалось у нас византиноведение за последние хотя бы 50 лет, назвать имена наших византиноведов, перечислить труды их. Мне хотелось бы только остановиться на главнейших этапах развития нашего византиноведения, наметить основные линии, по которым это развитие шло. Предварительно, однако, я должен кратко упомянуть о византологических работах профессора Казанского университета Д. Ф. Беляева (1846—1901), бывшего почти сверстником основоположников нашего византиноведения. Беляев прошел в СПб университете прекрасную школу по классической филологии и обратился к византиноведению лишь с 90-х годов прошлого века, когда он тщательно стал изучать такой важный памятник, каким является сочинение Константина Багрянородного—«О церемониях византийского двора». В результате этого изучения Беляев под общим заглавием «Byzantina» дал ряд образцово-поучительных очерков и заметок по византийским бытовым древностям и топографии Константинополя. При жизни Беляева вышли два тома «Byzantina» (СПБ, 1891—1893), посвященные обзору главных частей большого дворца византийских царей и ежедневным их приемам и праздничным выходам в храм Софии; третий том, вышедший в свет в 1906 г., после смерти автора, содержит исследование о так наз. средней улице Константинополя и об одном из его предместий, Евдоме, а также трактует о выходах и выездах византийских царей в городские и пригородные храмы. Труд Беляева дает своего рода исторический и археологический комментарий к «Церемониям» Константина и указывает, в каком направлении и по какому методу этот важнейший памятник должен быть изучаем. Было бы очень желательно, чтобы поданный Беляевым пример нашел подражателей; в этом заинтересованы в равной мере как византиноведы, так и историки древнего периода истории СССР.

Семена, посеянные нашими византологами старшего поколения, дали прекрасные всходы, и за время, истекшее, примерно, с 1880 по 1930 г., появилось много и большею частью хороших, не утративших по сие время значения работ в различных областях и отраслях византиноведения. Среди них все же преобладают, главным образом, сочинения по истории Византии и истории византийского искусства и археологии; менее представлено было византийское литературоведение, если не считать образцовых работ покойного В. М. Истрина в области переводной древнерусской литературы; слишком недостаточно уделено было внимания византийскому, точнее среднегреческому языку. За указанные годы пущено было в обращение большое число неизвестных до того византийских текстов, извлеченных из рукописных собраний как наших, так и зарубежных рукописных сокровищ. В числе этого нового материала львиную долю занимали тексты агиографические, имеющие в некоторых случаях, как это на многих примерах показал Васильевский, чрезвычайно важное значение для истории Византии, а также и древней Руси. На поприще издания агиографических текстов много было сделано покойным А. И. Пападопуло-Керамевсом, ученым греком, переселившимся к нам в 1890 г. и преподававшим в СПб университете новогреческий язык (еще в 1887 г. Московский университет удостоил Пападопуло-Керамевса степени доктора

honoris causa). Изданием агиографических текстов занимались также В. В. Латышев, Х. М. Лопарев, А. А. Дмитриевский и др. Издавались, впрочем, не одни только агиографические тексты. В. Э. Регель и Н. И. Новосадский дали издание некоторых политических речей византийских ораторов XII в. (СПБ, 1892); Ю. А. Кулаковский издал «Стратегику императора Никифора» (СПБ, 1908), находящуюся в той же рукописи, где сохранилась и «Стратегика Кекавмена», и его трактат— «О царских обязанностях», давший в свое время материал для исследования Васильевского— «Советы и рассказы византийского боярина XI в.». «Кекавмен» был издан в 1896 г. Васильевским и В. К. Ерншtedтом. Последнему принадлежат также издания: «Забытые греческие (средневековые) пословицы», «Речения Эзопа» (то и другое напечатано у V. J e r n s t e d t 'a—Oruscula, СПБ, 1907) и большой труд, вышедший в свет после смерти автора (в 1902 г.) под заглавием «Liber Syntipae». Труд этот важен как для византийской, так и для многих других отраслей историко-филологической науки. Предмет его составляет знаменитая своей большой распространенностью среди народов Востока и Запада и своим историко-литературным значением народная книга «Синтипа», или «Повесть о семи мудрецах». П. В. Никитин (ум. в 1916 г.) дал, предпринятое по инициативе Васильевского, образцовое издание с обстоятельным комментарием «сказаний о 42 аморийских мучениках» (СПБ, 1905)—очень важный источник для истории иконоборческого царя Феофила. Покойным юрьевским профессором М. Н. Крашенинниковым предпринято было новое большое издание сочинений Прокопия Кесарийского. Произведено было сличение чуть ли не всех рукописей Прокопия, но обработка издания затянулась, а тем временем стало появляться новое издание Прокопия в обработке немецкого ученого Хаури. Крашенинников охладел к своей работе, стоившей ему большого труда, и из грандиозного предприятия появилась только «Тайная история» Прокопия. Столь же много энергии было затрачено Крашенинниковым для изучения рукописного предания, так наз. Константиновых эксцерптов; результаты этого исследования опубликованы были им в многочисленных и очень обстоятельных статьях, напечатанных в «Византийском Временнике» и в «Журнале мин. нар. просвещения».

Из исследований на историко-литературные темы должно упомянуть работы А. П. Дьяконова («Иоанн Эфесский и его исторический труд», СПБ, 1908), С. Д. Пападимитриу («Феодор Продром», Одесса, 1905), В. Барвинка («Никифор Блеммид и его произведения», Киев, 1911), П. В. Безобразова («Византийский писатель Михаил Пселл», М., 1890) и др.

Потребовалось бы много места, чтобы перечислить труды—будут ли это монографии или статьи—по византийской и русско-византийской археологии. Кто интересуется узнать главные из них, благоволит обратиться к моему «Введению в археологию» (I, Л., 1923, 159 сл.), где они указаны и кратко охарактеризованы. Здесь я должен ограничиться только указанием их основной тематики. Одни из этих трудов посвящены изучению и объяснению неизвестных до того времени памятников материальной культуры, полученных или в результате раскопок или хранящихся в наших и заграничных музеях; другие охватывают ряд памятников однородного характера, например мозаики Равенны или фресковую роспись Киевской Софии, новгородских церквей; третьи ставят на разрешение вопросы принципиального характера, например об эллинистических основах

византийского искусства, о характерных свойствах византийской живописи XIV в.; четвертые охватывают те или иные иконографические циклы и т. д. Такое руководство, каким является в настоящее время «Manuel d'art byzantin» Шарля Дилия, полно ссылок на труды русских ученых. Византийская нумизматика нашла себе у нас первоклассного знатока в этой области в лице покойного И. И. Толстого, большой труд которого «Византийские монеты», вышедший в девяти выпусках в 1912—1914 гг., остался, к сожалению, за смертью автора, доведенным лишь до середины IX в.

Еще труднее было бы привести перечень отдельных работ, касающихся истории Византии в строгом смысле. Достаточно сказать, что они охватывают все стороны этой истории, и политическую, и социально-экономическую, и культурно-бытовую, а также вопросы, связанные с изучением византийского права. Некоторые из этих трудов базируются на привлечении источников, написанных не только по-гречески и по-латыни, но и на восточных языках, например, арабском, армянском, грузинском и пр. Благой почин в этом отношении дан был археетом всего нашего прошлого востоковедения, В. Р. Розеном, издавшим в 1883 г. свой труд—«Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского». Далее должна быть отмечена работа Н. Г. Адонца «Армения в эпоху Юстиниана» (1908), Н. Н. Медникова о Палестине до арабского завоевания (4 тома), или А. А. Васильева «Византия и арабы» (взаимоотношения Византии и арабов за время аморийской и македонской династий, СПб, 1902—1904; первый том этой работы недавно появился во французском переводе). Перечень наиболее важных работ в области истории Византии можно найти в 4-м выпуске «Очерков по истории Византии» (П., 1915), а также в общем труде Васильева, о котором ниже. Мы видим, таким образом, что в области византиноведения трудились у нас не только специалисты-византологи, но и античники и востоковеды. Так, будем надеяться, будет продолжаться и впредь, ибо только совместными усилиями специалистов мы сможем создать марксистскую науку о Византии.

Выше была упомянута «История Византийской империи» Успенского. Это была не первая попытка дать связную историю Византии. Ей предшествовало появление двух трудов обобщающего характера. В 1910—1915 гг. вышли в свет три тома «Истории Византии» киевского профессора Ю. А. Кулаковского, где изложение доведено до 717 г., т. е. до эпохи иконоборства. Изложение Кулаковского, основанное на источниках греческих, латинских и восточных (последние в переводах), с привлечением литературы предмета, касается почти исключительно внешней истории; явления внутренней истории отступают на задний план. В 1913 г. казанский профессор, ученик Беляева, С. П. Шестаков издал «Лекции по истории Византии»; в них излагаются события, начиная с движения варварского мира в пределы Западной Римской империи и кончая коронаванием Карла в 800 г. Книга дает немало сведений о внешних делах и внутренней жизни Византии, историографию и литературу предмета. В 1917 г. появился первый том «Лекций по истории Византии» ученика Васильевского, А. А. Васильева. В этом сочинении, после краткого очерка разработки истории Византии, излагаются события от правления Константина и до эпохи крестовых походов. Второй том труда Васильева появился в 1923—1925 гг. тремя отдельными выпусками: 1) «Византия и крестоносцы» (эпоха Комнинов и Ангелов), 2) «Латинское владычество

на Востоке» (эпоха Никейской и Латинской империи), 3) «Падение Византии» (эпоха Палеологов). Таким образом, единственно в труде Васильева мы имеем полностью всю историю Византии на русском языке, причем в сравнительно сжатой форме автору удалось полностью изложить основные явления византийской истории, как внутренней, так и внешней. Ценность книге придают и библиографические указания, приложенные к каждой из глав всего сочинения¹.

Византиноведение, давшее в трудах наших ученых столь блестящие результаты, развивалось, надо сказать, при неблагоприятных внешних условиях. Из них самым главным было то, что до революции в наших университетах не существовало специальной кафедры византиноведения, которое было отнесено, таким образом, к числу так наз. необязательных предметов и к тому же далеко не во всех университетах преподавалось. Поэтому и занятия византиноведением носили до известной степени случайный характер. Тем более заслуживает удивления, что византиноведение у нас все же продолжало развиваться и крепнуть, и это должно приписать исключительно тем ученым, которые возглавляли его и умели поставить на такую высоту. Важным фактором было, впрочем, то, что, начиная с 1894 г., при Академии наук стал издаваться специальный журнал по византиноведению — «Византийский Временник», главным руководителем которого был Васильевский, а его помощником — В. Э. Регель, ставший редактором после смерти Васильевского. С переездом в 1914 г. в Петербург Успенского, последний стал редактором «Византийского Временника», Регель же, получивший в 1915 г. кафедру в Юрьевском университете, стал издавать там «Византийское обозрение», вышедшее в количестве трех томов. Что же касается «Византийского Временника», то за время его существования до 1930 г. он вышел в количестве 25 томов, причем в журнале, кроме статей исследовательского характера, прекрасно был поставлен отдел критики и библиографии, куда входили не только работы, появлявшиеся у нас и на Западе, но также обращено было особое внимание на славянские земли и страны ближнего Востока. Когда в 1894 г. был основан Русский археологический институт в Константинополе, при нем, под редакцией Успенского, издавались «Известия» института, вышедшие до 1914 г. в количестве 16 томов с массой ученого материала по византиноведению, во многих случаях впервые издаваемого. Помимо перечисленных периодических изданий, много работ по византиноведению помещалось в «Журнале министерства народного просвещения» и в трудах духовных академий — петербургской, московской и киевской. То же нужно сказать и об основанном по инициативе покойного акад. Н. Я. Марра и им редактированном журнале «Христианский Восток», в шести томах которого (1912—1922) помещено много ценных работ по византийской «периферии». Все эти факты являются непреложными свидетелями того, насколько прочно укоренилось у нас ви-

¹ В 1928—1929 гг. труд Васильева появился в двух томах, в переработанном и дополненном виде, в английском переводе, а в 1932 г., снова в переработанном и дополненном виде, во французском переводе «Histoire de l'empire Byzantin». В предисловии Шарля Дилья, предвещающем французское издание, глава современного византиноведения указывает, что если для некоторых периодов византийской истории Васильев имел ценных руководителей, то для эпохи Никейской империи и эпохи Палеологов, т. е. для XIII—XV вв., столь недостаточно еще изученных, задача Васильева требовала большого труда, и что автор оказал большую услугу, внеся в эту запутанную эпоху порядок, точность и ясность. Такой книги, какую дал Васильев, у византиноведов до сих пор не было, говорит Диль.

зантиноведение. За границей к появлявшимся у нас работам в области византиноведения чутко прислушивались и с ними считались (в руководящем органе—«Byzantinische Zeitschrift», созданном в 1892 г. Крумбахером, постоянно давались рецензии и отчеты о русских работах по византиноведению).

Итак, за полвека ученая продукция по византиноведению у нас накоплена богатая. Задачей советской библиографии является составление списка имеющихся налицо изданий текстов, книг, статей и заметок по византиноведению, с разбивкой всего материала по группам, подобно той работе, что сделана была в свое время Прозоровым для греческой филологии (СПБ, 1898). Тогда получилась бы наглядная картина, какие отделы, какие вопросы византиноведения привлекали наших ученых по преимуществу, какие проблемы оказались вовсе незатронутыми или мало затронутыми. Подводить от времени до времени итоги тому, что сделано, всегда бывает полезно и поучительно, для византиноведения же это было бы как раз кстати именно теперь, когда оно у нас в СССР стоит на пути возрождения в связи с актуализацией исследования русско-византийских отношений и вопросов древнего периода истории СССР.

Теперь нет нужды тратить слова на доказательство того, что византиноведение имеет все права быть вполне самостоятельной дисциплиной: своим прошлым оно доказало это, доказало задолго до того, как это было осознано на Западе. После того как византиноведение приобрело право на то, чтобы занимать свое место в ряду прочих общественных наук, стала все более и более выясняться историческая роль византинизма преимущественно в культурных влияниях на народы Юго-восточной Европы—болгар, сербов, румын, русских, в Азии—на армян и грузин. По словам Успенского, «все эти народы не только приняли из Византии христианское просвещение, плоды умственной производительности, но брали у нее образцы для своего внутреннего устройства»¹. К этому нужно прибавить еще ту роль, какую сыграла Византия в деле сохранения культурных ценностей античного мира.

Еще в 1850 г. Грановский, память которого недавно чтит советская наука, писал: «Нужно ли говорить о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда... начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но, кроме этих отношений, нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы—славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными... На нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление (т. е. византизм), которому мы так многим обязаны»².

Но чтобы правильно оценить византизм и оказанное им влияние, его надо хорошо знать. Поэтому и выяснение взаимоотношений Византии и Руси, касаются ли они истории, права, языка, литературы, материальной культуры, быта и пр., требует основательного знакомства с Византией, как таковой. Лишь тогда наши специальные интересы найдут вполне удовлетворительное разрешение, когда последнее будет построено на солидной общей базе, а таковой и должна быть сама Византия, сам византизм.

¹ Статья «Византия» в X томе Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, 462.

² Собрание сочинений, 4-е изд., М., 1900, стр. 378 сл.

Всякое историческое исследование покоится на источниках, изданных по всем правилам филологической науки. В этом отношении для византиноведения предстоит еще очень большая работа. Боннское издание византийских писателей, давно сделанное и являющееся в отношении большинства авторов единственным, нуждается во многих частях в обновлении, которое соответствовало бы современным научным требованиям. Но можно быть уверенным, что в рукописных собраниях наших библиотек найдутся и такие произведения византийской письменности, которые никогда не были изданы. В этом отношении поиски неизданного материала сулят большие результаты, как то показали работы Васильевского и других наших ученых. Начатые им работы типа его «Русско-византийских исследований» и «Русско-византийских отрывков» ждут своего продолжения. Поскольку наши историки СССР, занимающиеся специально отношениями византийско-русскими, несомненно, заинтересованы в том, чтобы иметь под руками все те тексты, которые нужны при их занятиях,— полезно было бы все эти тексты с сопровождающим их русским переводом собрать воедино, короче говоря, дать то, что дал в свое время Латышев в известном его сборнике «*Scythica et Caucasica*»¹. Так как сочинение Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» имеет, во многих отношениях, очень важное значение для начальной поры русской истории, то следовало бы, в конце концов, перевести его целиком. Да и вообще было бы не худо, при обилии появляющихся у нас переводов памятников греческой и римской литературы, включить в эту переводческую серию и некоторые с толком выбранные памятники литературы византийской. Наконец, полезно было бы составить хотя бы краткий, но живой очерк истории византийской литературы ориентирующего характера, совершенно у нас отсутствующий.

Впрочем, я не имею в виду, да и не имею на то права, излагать нечто вроде программы работ в области византиноведения. Она выяснится сама собою после того, как работы эти примут более или менее планомерный характер. Мне хотелось лишь наметить такого рода предприятия первоочередной важности, которые вызываются нашими насущными интересами и которые, по их сложности, могут быть осуществлены лишь коллективным, а не индивидуальным трудом. Для последнего выбор тем должен быть предоставлен инициативе, влечению и степени подготовленности самих авторов этих индивидуальных работ.

Но я считаю своим долгом со всею определенностью подчеркнуть, что занятия в любой области византиноведения требуют основательного знакомства с греческим и латинским языками, особенно с греческим, так как на нем написано большинство византийских источников. Пользоваться последними при помощи переводов, если бы они существовали даже для большого количества византийских произведений и были бы выполнены с достаточным совершенством, значило бы покушаться на занятия в области византиноведения с негодными средствами: всякий, даже хорошо исполненный, перевод при исследовательской работе может служить лишь подспорьем при пользовании тем или другим источником, но он не должен заменять его. Отсюда сам собой напрашивается вывод: в наших университетах, на их исторических и филологических факультетах, должно быть организовано не только чтение курсов по истории

¹ Латышев предполагал в свое время издать нечто вроде «*Byzantino-Rossica*», но от этого предприятия сохранились в научном наследстве Латышева лишь немногие *disiecta membra*, так что осуществлять все предприятие пришлось бы *ab ovo*.

Византии и по истории византийской литературы, с соответствующими семинарскими занятиями, но и преподавание греческого и латинского языков, не только «классических», но и средневековых—последних, по крайней мере, для желающих. Вопрос о византиноведческих кадрах заслуживает самого серьезного внимания, так как от притока этих кадров зависит будущее нашего советского византиноведения.

Ф. И. Успенский тридцать лет назад писал, что «недостаточная успешность изучения Византии зависит, главным образом, от состояния текстов изданных писателей, от неприведения в известность всего рукописного материала и, наконец, от отсутствия общей руководящей программы и центрального органа для византиноведения». Последний, т. е. этот орган, он пробовал создать, и не без успеха, в организованной им при ООН АН СССР Русско-византийской комиссии. Комиссия прекратила свою деятельность со смертью ее основателя. Может быть, было бы преждевременно поднимать вопрос о возрождении этой комиссии, но своевременно было бы к числу секторов, существующих уже в Институте истории Академии наук, присоединить сектор византиноведения. Разработка истории СССР, в особенности начального периода Русского государства, актуализирует сейчас проблемы византиноведения. Русской наукой много сделано в этой области, и советская исследовательская работа, несомненно, учтет достижения прошлого византиноведения.

В разработке советского византиноведения встают, таким образом, те задачи, которые, как было выше сказано, связаны с подготовкой кадров, с постановкой в университетском образовании курсов по истории Византии, с изданием переводов византийских источников и соответствующей исследовательской работой по ним.

Задача создания советского византиноведения—одна из серьезных задач в строительстве марксистской исторической науки. Институт истории Академии наук СССР в первую голову должен будет сделать практические шаги в этом направлении.

